

Отзыв

о диссертации Дейкуна Ильи Дмитриевича

«Рефлексия фикциональности в авторском комментарии на материале русской художественной прозы (XVIII–XX вв.)»

по специальности 5.9.3. Теория литературы (филологические науки) в диссертационный совет 24.2.366.06, созданный на базе Российского государственного гуманитарного университета

Диссертационное исследование Ильи Дмитриевича Дейкуна адресовано важной, если не ключевой, проблеме современного литературоведения: проблеме фикциональности. Вымышленная ситуация в режиме «как если бы» и повествование о такой ситуации – один из признаков литературности, согласно А. Компаньону и Ж. Женетту (т.н. критерий «вымысла»). Этот методологический критерий позволяет вычлениить и описать массив текстов как литературу, определить предмет научной дисциплины. По этой причине возникает ряд основополагающих вопросов: как фикциональная ситуация и рассказ о ней устроены, какие у них отличительные особенности и функции – и каким образом рассказ о такой ситуации призван воспринимать предполагаемый читатель?

Ответы на эти вопросы формулировались еще на всем протяжении становления науки о литературе как самостоятельной дисциплины. Литературный (повествовательный) текст, как отмечал Аристотель, повествует не о том, что было, а том, что возможно и правдоподобно – и потому могло бы случиться, хоть и не происходило в реальности. Существенный вклад в разработку проблемы фикциональности внесла феноменологическая традиция (от Р. Ингардена до В. Изера). В рамках этой традиции были определены микро-единицы фикционального целого, воображаемые схематические корреляты словесных рядов, которые каждый читатель в своем сознании инсценирует на свой лад в рамках подразумеваемого текстом, возможного диапазона значений. Этот вектор мысли был продолжен и в более эмпирико-ориентированных изводах литературоведения – реконструкции исторически конкретных горизонтов ожидания (Х.-Р. Яусс, С. Гринблатт), изучении реальных читательских откликов (С. Фиш, Дж. Рэдуэй, Л. Гудков и Б. Дубин, Н. Самутина): того, как читательские сообщества и конкретные читатели обживают фикциональные пространства и переписывают их матрицы смыслов. Однако для того, чтобы зафиксировать рецептивные модификации, необходимо представлять себе идеальную феноменологическую схему текста в дистиллированном, изначальном виде – и именно к

этому теоретико-методологическому ракурсу тяготеет исследование, вступая в диалог с основательной теоретической традицией.

Другая важная традиция, сосредоточенная на проблеме фикциональности, – традиция литературной прагматики в широком смысле, от отечественной бахтинистики до семиотики культурных систем, от аналитической философии до деконструкции. В центре этой традиции – литературное произведение как коммуникативное явление, его обращенность к адресату и воздействие на адресата. Проблема иллокутивного воздействия текста была поставлена в отечественном литературоведении еще в бахтинском кружке (как коммуникативная «идеология» текста воздействует на контекст и сама порождает контекстом?) – и с тех пор не потеряла ни значимости, ни актуальности как для российской, так и для зарубежной гуманитаристики. В разговоре об иллокутивном потенциале текста важны факторы адресанта и адресата – по крайней мере, имплицитных – и, если говорить шире, субъектные инстанции коммуникативной ситуации. В диссертации получают подробное рассмотрение субъекты внутритекстовые (фиктивные, вымышленные субъекты, наделенные качествами автора) – и тем самым намечается связь между проблемой фикциональности и проблемой субъектности (с сопутствующими вопросами о функции внутритекстового и внетекстового автора, функции внутритекстового и внетекстового читателя и др.). Апелляция к ключевым вопросам науки о литературе обуславливает несомненную **актуальность** исследования.

Исследователь филигранно очерчивает незаполненную нишу в проблемном поле классического и современного литературоведения, подсвечивая комплекс фундаментальных вопросов литературоведения через локальный феномен, **предмет** исследования: комментарий о вымышленной природе текста (что свидетельствует о **новизне** исследования). Здесь исследователь развивает тезис В. Изера о том, что вымыслообразующий акт литературного произведения включает в себя знаки реального мира и фикциональные знаки мира текста, творчески их перекомбинирует, а затем указывает на собственную вымышленную, условную природу. Как именно происходит это указание, как реализовано в тексте и феноменологически, и на формально-стилистическом уровне? Для поиска ответа на этот исследовательский вопрос делается ставка на теоретический аппарат постклассической нарратологии, феноменологии и исторической поэтики. Запатентован и исчерпывающе описан оригинальный авторский термин – АМК (авторский метафикциональный комментарий): элемент композиционной структуры текста, в коммуникативном плане исходящий от инстанции внутритекстового аукторнального субъекта-источника речи. Три методологические линзы позволяют уловить АМК в единый фокус

как объемное явление (и это говорит о **теоретической значимости** исследования). Как исторически конкретный тип литературного дискурса, АМК творчески перерабатывает структурные черты доминантных дискурсивно-литературных парадигм и парадигм научного знания; как феноменологически воспринимаемая ситуация АМК онтологически более реален, чем комментируемое в тексте; как нарратологический ансамбль, АМК обеспечивает связь между диегетическим и экстрадиегетическим мирами, в акте отсылки к диегезису переопределяя смысловое наполнение повествовательных структур.

Во **Введении** обозначены основные параметры исследования: сформулирован исследовательский вопрос, определены цель и задачи, дана характеристика материалу исследования и предложен ряд теоретико-методологических подходов для разработки исследовательского вопроса.

Первая глава, «Авторский комментарий и метафикциональность», носит обобщающий и теоретический характер. В ней даются определения авторского комментария (АК), авторского метафикционального комментария (АМК), метатекста, метаязыка и снимаются возможные омонимии между понятиями. Утверждается, что АК не может принадлежать конкретному автору, но фиктивному субъекту (первичному или вторичному нарратору, фиктивному издателю). Для АК существенна граница произведения: он помогает читателю осуществить ее пересечение. В главе также дается разграничение дискурсов (монотекстовых, композиционных, интертекстуальных). Метафикциональный дискурс в композиции произведения может быть только эксплицитным. В нем АМК обязательно автокоммуникативен и часто интегрирует в себя метаязык философии, критики, риторики и литературоведческих дисциплин. В конце главы представлена сводная классификация АМК.

Вторая глава, «АМК в художественном произведении как в монотекстовом дискурсе», исследует мотивировки АМК в его связи с авторской стратегией (расширением авторской интенции). Анализируется диахроническое изучение АМК в свете смены стадий исторической поэтики и художественного сознания. Особое внимание уделяется роли комического (комизм, ирония, юмор, сатира, сарказм) как инструмента стратегий обнажения и разрушения иллюзии. Исследуются проявления АМК в различных субпарадигмах: классицизма, предромантизма, романтизма, постромантизма, символизма, постсимволизма и постмодернизма. Обнаружено, что АМК проявляется во всех субпарадигмах, достигая наивысшего развития в постсимволизме и занимая центральное место в постмодернизме. Подробно рассматриваются конструктивные особенности АМК

как полуавтономного комплекса литературного текста (убывание адаптационного и возрастание концепционного комментария).

Третья глава, «АМК в композиции произведения. Категория автора и уровень высказывания», посвящена разграничению метафикционального комментария по субъектной атрибуции. Вводится установочный тезис, что собственно авторским является только проприо-метафикциональный комментарий – комментарий фиктивного субъекта к собственному творчеству. Выделяются три варианта соотношения субъектов АМК и интенций имплицитного автора: резонерство (АМК воплощает интенцию имплицитного автора), объективация (АМК противоречит ценностям произведения, но автор или персонаж-автор объективируется), и авторизация (не-авторский или не-метафикциональный комментарий считается как авторский и метафикциональный). Анализируются эксплицитные и имплицитные авторские МК на примерах произведений разных эпох

Четвертая глава, «АМК в контексте рефлексивных областей интертекстуального дискурса. Референция и предметность АМК», посвящена типологии эффектов, какие высказывание АМК оказывает на действительность диегетического мира или экстрадиегетических «действительностей». Утверждается, что АМК высказывается фиктивным субъектом, и поскольку он принадлежит автору, то изменяет ситуацию до бесконечности. Предложения АМК референтны диегетическому миру или экстрадиегетической ситуации. Рассматривается, как АМК взаимодействует с фактуальностью вымышленного мира (нормальное или аномальное высказывание) и с дисциплинарными включениями метаязыка (литературная критика, философия и др.).

В Заключении подведены итоги исследования и намечены перспективы. Автор обобщает систематическую теорию АМК, отмечая, что АМК всегда входит в состав произведения, его проявление зависит от авторской стратегии и модуса художественности. АМК может быть метатекстовым и метаязыковым. Субъектом АМК всегда является фиктивный субъект, обладающий авторскими функциями и свойствами. АМК активно взаимодействует с фактуальностью диегетического мира, влияя на нее и образуя собственную фактуальность. Перспективы исследования включают монографическое изучение АМК в конкретных субпарадигмах, изучение АМК не только в прозе, но и в поэзии и драме, а также изучение динамики комплекса АМК и АК на более широком материале с привлечением компьютерных методов анализа. Также предложено создать подробную историю понятия АК в отечественной и зарубежной науке о литературе и философски обосновать теорию референции АМК.

Предложенная в рамках диссертационного исследования концепция авторского метафикционального комментария (АМК) последовательно фундирована и локализована в эпистемологическом контексте постклассической нарратологии. Представляется, что АМК – в первую очередь текстуальный и знаковый феномен: указание на семиотическую неоднородность текста изнутри текста за счет демаркации вымышленных элементов и элементов метатекстуальных. Однако семиотическая процедура такой семантической демаркации связана с прагматическим актом герменевтического поведения читателя, интерпретацией, – распознаванием АМК как АМК. Так, на с. 331 утверждается, что идентификация и субъектная атрибуция АМК «зависит от читательской и исследовательской интерпретации». Это обстоятельство указывает на коммуникативную составляющую АМК и расширяет дискуссию за пределы проблематики постклассической нарратологии.

Как именно понимается здесь «интерпретация»? Это деятельность, предзаданная структурным устройством и ограничениями текста либо же свободная импровизация на основе намеков в тексте? И какая субъектная инстанция соответствует «читателю»? Предвосхищая ответ на второй вопрос, могу ответить: кажется, что имея в виду связку АМК – воспринимающий субъект, мы говорим об идеальном, имплицитном читателе как производной текста (и об АМК – как производной такого читателя). Исключаются ли при этом принципиально из спектра рецептивных инстанций читателя реальные (эмпирические) и феноменологические реконструкции таких читателей на основе исторически конкретных горизонтов ожидания, восстановленных по отзывам, воспоминаниям, письмам и др.? Попытка работы с горизонтами ожидания наблюдается в сопряжении типов АМК с понятиями «парадигмы» и «субпарадигмы», но в то же время два последних термина, как представляются, слабо проявляют субъектно-коммуникативную, рецептивную сторону литературного высказывания. Парадигма и субпарадигма представлены в работе скорее как набор аксиологических и стилистических установок, а не как набор рецептивных конвенций и читательских компетенций. Читатель как воспринимающий субъект словно бы остается на периферии, будучи либо детерминирован текстом, либо не важен как внетекстуальный фактор. В то же время, читатель конструирует АМК актом интерпретативного участия.

С спецификой понимания субъектности как феномена сугубо внутритекстового сопряжена ключевая методологическая установка работы. Как представляется, в диссертации АМК определяется в плотной сцепке с литературной субпарадигмой: дискурсивно-стилистическая платформа и АМК предьявлены как взаимно координирующиеся.

Не подвергая сомнению само наличие связи, автор этих строк хотела бы обратить внимание на доминанцию субпарадигмы над индивидуальным автором как субъектом – источником творческого выбора, агентом литературного рынка, создателем коммерческой репутации. В описании того, как сменяют друг друга типы субпарадигм и соответствующие типы АМК, видится установка на эволюционизм теоретического описания: одна система порождает другую, одни жанровые типы порождают другие словно бы независимо от творческого поведения авторов-индивидов. Такой эволюционизм был характерен для литературной теории XIX в. (Ф. Брюнетьер и его эволюционная теория жанров) и начала XX в. (теория жанра / литературных систем Ю.Н. Тынянова); истоки этой методологической оптики следует искать в магистральном дисциплинарном дискурсе XIX–XX вв.: науке биологии (и эволюционной теории Дарвина). Возможные ограничения эволюционизма описывает Ж.-М. Шеффер в монографии «Что такое литературный жанр?» (пер. С.Н. Зенкина; URSS, М., 2010):

Утверждая биологическую модель как аналог внутренней эволюции жанров, а тем самым предполагая идею рождения, зрелости и вырождения этих жанров, дарвиновская теория <...> искажает исторический анализ. <...> участниками этой дарвиновской борьбы, struggle for life, являются не человеческие индивиды, а жанры, то есть что литературные жанры суть не наборы произведений, а биологические индивиды, – это основано <...> на смешении категорий (с. 57).

Шеффер обращает внимание, что корпус текстов с общими признаками (жанр) не всегда может являться самостоятельным агентом литературной истории – разве что пост-фактум, в нашей ретроспективной интерпретации. Здесь заостряется вопрос: какой агент литературного процесса по-настоящему первичен: текст как источник смыслов и форм или автор как актер поля литературы? Если выйти за пределы логики эволюционизма, мы можем предположить, что субпарадигма – вторичный конструкт. Первичными агентами литературной истории являются авторы как акторы, совершающие стратегические выборы внутри поля литературного рынка (рынков) и находящиеся в диалоге с аудиториями. В этом диалоге отливаются ряд признаков субпарадигмы и создается исторически конкретный тип АМК. Это рассуждение, разумеется, в большей степени приглашает к диалогу, чем подразумевает возможность правильного ответа. Однако, кажется, было бы интересно исследовать не только связь АМК с субпарадигмами литературного процесса,

а связь АМК с ситуацией и диспозициями внутри поля литературы, а также с запросами (горизонтами ожидания) аудиторий.

Например, подобное переключение или расширение методологических установок позволило бы проверить следующий тезис: «в субпарадигме [романтизма – А.Ш.] произошло окончательное открытие эстетической природы искусства <...> искусство перестало означать умение, но стало осмысляться как результат работы воображения гениальной творческой личности» (с. 109). Данное утверждение избрано в качестве аксиоматического (что предполагается логикой эволюционизма), однако подобное переосмыслении сущности и функций искусства как раз-таки связано с формированием института авторского права и литературного рынка для среднего класса, читателя-буржуа. М. Вудманси указывает, что с массовизацией литературной грамотности и распространением рекреационного чтения возник необходимый регулирующий механизм копирайта, в связи с которым плагиатом считалось воспроизведение не идеи литератора, а уникальной формы выражения этой идеи (см. Вудманси М. Гений и копирайт / пер. с англ. С. Козлова // Новое литературное обозрение. 2001. № 2. С. 20–26; Алябьева Л. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX веках. М.: Новое литературное обозрение, 2004). Именно форма выражения связывалась с уникальным эстетическим опытом индивида (как слепок и отпечаток), что привело к возникновению в категории гения как в т.ч. категории литературного рынка. Можно ли предположить, как был бы определен АМК в этой дисциплинарной логике – какие функции бы выполнял? Отличалось ли бы это определение от предложенного в диссертации?

Помимо изложенных выше общих соображений, которые могли бы инспирировать плодотворное обсуждение ограничений и лакун в научном исследовании, хотелось бы обратить внимание на более технический аспект работы. Автор диссертационного исследования порой прибегает к очень герметичному научному мета-языку, коду без видимого ключа, перенасыщая терминологическими конструкциями аналитическую прозу. Это иногда затрудняет понимание стройной, логичной и блестяще аргументированной концепции. Если учитывать, что результаты исследования могут быть применены в практике преподавания курсов, концептуальная переусложненность мета-языка здесь может оказаться препятствием.

В заключение остается отметить, что диссертация «Рефлексия фикциональности в авторском комментарии на материале русской художественной прозы (XVIII–XX вв.)» – научно-квалификационная работа, выполненная на исключительно высоком

уровне, с качественной апробацией в академическом сообществе (10 публикаций). В данной работе предложена инновативная и системная модель авторского комментария, предлагающая как значимые теоретико-литературные обобщения, так и конкретные принципы анализа авторской инстанции в тексте в рамках курсов по теории и истории литературы. Диссертация соответствует требованиям положения «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года. Автор диссертации Дейкун Илья Дмитриевич заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3. Теория литературы.

03 сентября 2025 года

Официальный оппонент:

Швец Анна Валерьевна,

кандидат филологических наук

(специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология),

старший преподаватель кафедры общей теории словесности

ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Подпись к.ф.н., ст. преп. А.В. Швец заверяю:

и.о. декана филологического факультета

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,

доктор филологических наук,

Липгарт А.А.

Адрес организации:

119991, Российская Федерация, город Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51.

Телефон и электронный адрес оппонента: +74959395328

e-mail: ShvetsAV@my.msu.ru